

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ИНФОРМАЦИОННОЕ
ОБЩЕСТВО
И МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ**

К. А. Панцерев
Р. В. Болгов
Светлана Михайловна Виноградова
Н. А. Васильева

**Информационное общество
и международные отношения**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26343920

Информационное общество и международные отношения. Учебник:

Издательство Санкт-Петербургского университета; Санкт-

Петербург; 2014

ISBN 978-5-288-05510-2

Аннотация

В учебнике рассмотрены вопросы формирования информационного общества. На основе современных теорий раскрываются содержание понятий информационного общества и информационной политики, концепции нового международного информационного порядка. Особое внимание уделяется изучению феномена «цифрового разрыва» и информационного империализма. В книге представлен обзор основных региональных моделей построения информационного общества и проведен анализ основополагающих международных документов, определяющих его развитие. Изложены основные подходы

к формированию электронного правительства, рассмотрены концепции информационной войны. Учебник предназначен для студентов бакалавриата, обучающихся по направлению «международные отношения», а также для всех интересующихся проблемой формирования информационного общества.

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	14
1.1. Информация и коммуникация. Природа, сущность, основные понятия	16
Знак, значение, смысл	26
Текст, гипертекст, дискурс	31
Знание, информация, коммуникация	36
1.2. Информационные процессы в контексте глобализации: пространственно-временные аспекты	51
Технико-экономические параметры информационных процессов	66
Феноменологические противоречия глобализации	73
Конец ознакомительного фрагмента.	78

**Р. В. Болгов, Н.
А. Васильева, С.
М. Виноградова,
К. А. Панцеров**

Информационное общество и международные отношения. Учебник

*Вечная гонка по кругу идей и новаций,
Изобретений, открытий, экспериментов
Откроет нам сущность движения, но не покоя.
О жизнь, растраченная в существовании...
О мудрость, утраченная в знании...
О знание, потерянное в информации...*

Т. Элиот

Под редакцией К. А. Панцерова

Рецензенты:

Ю. В. Косов, д-р филос. наук, проф., Северо-Западный
ин-т управления РАНХиГС при Президенте РФ;

*М. М. Лебедева, д-р полит. наук, проф., МГИМО (У) МИД
России*

Печатается по постановлению Ученого Совета Санкт-Петербургского государственного университета

Авторский коллектив:

*Р. В. Болгов, канд. полит. наук, ст. преп. (главы 6, 7, 8, 9);
Н. А. Васильева, д-р филос. наук, проф. (глава 1, предисло-
вие, заключение); С. М. Виноградова, д-р полит. наук, проф.
(глава 1, предисловие, заключение); К. А. Панцеров, д-р по-
лит. наук, доц. (главы 2, 3, 4, 5, 7).*

© Санкт-Петербургский государственный университет,
2014

Предисловие

Учебник посвящен одной из важных и злободневных проблем международных отношений – становлению информационного общества. Информация и коммуникация всегда были и остаются неотъемлемыми компонентами международной жизни. Их интенсификация, во многом обусловленная стремительным развитием сетевых технологий, немало способствует изменению картины мира.

Вместе с тем современный этап информационной революции порождает множество вопросов политического, экономического и цивилизационного характера. В поиске адекватных ответов на эти вопросы активно участвуют и представители различных отраслей социально-гуманитарного знания. Появилось множество концепций и теорий, по-разному объясняющих феномен информационного общества. Разобраться в этом обилии фактов, взглядов и мнений подчас бывает сложно, но необходимо, особенно тем, кто выбрал в качестве профессии сферу мировой политики и международных отношений. Авторам учебника представляется необходимым выявить и проанализировать исторические предпосылки возникновения концептуальных основ теории информационного общества, а также дать научную оценку сегодняшним процессам, связанным с ее практической реализацией.

Учебник раскрывает содержание учебной дисциплины «Информационное общество и международные отношения» (Information society and international relations) основной образовательной программы высшего профессионального образования по уровню «бакалавриат» по направлению подготовки 031900 – «Международные отношения».

Цель учебной дисциплины – формирование у студентов системного представления об информационном обществе как о важном факторе современных международных отношений, а также формирование информационной культуры обучающихся.

В *задачи* дисциплины входят:

- формирование *знания* студентами содержания основных теорий информационного общества, особенностей принципов формирования глобального информационного общества и ключевых аспектов международных отношений в контексте развития глобального информационного общества;
- приобретение обучающимися *умения* профессионально анализировать явления, характеризующие взаимодействие и взаимовлияние глобальных информационно-коммуникационных процессов, мировой политики и международных отношений;
- овладение обучающимися *навыками* использования современных информационных технологий в различных сферах международной деятельности.

В процессе обучения студенты должны овладеть такими

компетенциями, как:

- способность понимать сущность и значение информации в развитии общества, использовать основные методы, способы и средства получения, хранения, переработки информации, работать с компьютером как средством управления информацией, в том числе в глобальных компьютерных сетях;
- способность учитывать в практической деятельности особенности общей, предпринимательской или академической культуры партнеров;
- способность на практике использовать общепринятую систему русскоязычной транскрипции имен и географических названий;
- способность анализировать источники информации, выделять наиболее существенные факты, давать им собственную оценку и интерпретацию;
- способность применять на практике основные социологические методы (интервью, анкетирование, наблюдение и т. д.).

Учебник призван помочь студентам овладеть обозначенными компетенциями.

Конечно, изучение данной дисциплины предполагает опору студентов на знания, которые они получают в ходе обучения в Санкт-Петербургском государственном университете на направлении «международные отношения», а также в других отечественных и зарубежных образовательных учеб-

ных заведений. Авторы учебника исходили из того, что студенты обладают набором общих и профессиональных компетенций, полученных в ходе освоения различных теоретических дисциплин.

Реализации цели и задач учебника отвечает его структура.

В первой главе «Идейные истоки информационного общества» приводится развернутая характеристика категориального аппарата, используемого в учебнике, а также в контексте эволюции пространственно-временных координат международных отношений рассматриваются те аспекты информационных процессов, которые способствовали созданию условий появления теоретических построений, связанных с идеей информационного общества, и формированию политики реализации этой идеи на практике.

Во второй главе «Классические концепции информационного общества в мировом политологическом дискурсе» прослеживаются истоки концепций информационного общества, а также выявляются их сильные и слабые стороны. Большое внимание уделяется критическому анализу тех теоретических построений, посвященных информационному обществу, которые сегодня обрели характер классических.

В третьей главе «Информационное общество: понятие, сущность, основные характеристики» раскрывается содержание понятия «информационное общество», анализируются технологические и социально-политические аспекты фор-

мирования информационного общества и признаки его построения. Приводятся характеристики современных систем международных сопоставлений уровня развития ИТ-сектора в странах и регионах мира.

В четвертой главе «"Цифровой разрыв" и проблема его преодоления» рассматриваются особенности информационной зависимости и информационного империализма; выявляются основополагающие черты современного «цифрового разрыва» и прослеживаются международные мероприятия, направленные на его преодоление.

В пятой главе «Региональные модели построения информационного общества» приведен развернутый анализ ведущих моделей формирования информационного общества (англосаксонской, континентальной, азиатской, а также формирующихся моделей построения информационного общества в латиноамериканских и африканских странах). Дана оценка перспектив отдельных стран и регионов в достижении равноправной интеграции в глобальное информационно-коммуникационное пространство.

В шестой главе «Становление информационного общества в России: проблемы и перспективы» рассматриваются проблемы и перспективы России на пути вхождения нашей страны в глобальное информационное общество. Анализируются основополагающие документы, определяющие процессы формирования информационного общества в России (Концепция формирования информационного общества в

России 1999 г., Концепция государственной информационной политики РФ 1998 г., Стратегия развития информационного общества в России 2008 г.), Государственная программа «Информационное общество (2011–2020)».

В седьмой главе «Международное взаимодействие в сфере развития информационного общества» рассматривается деятельность глобальных структур по развитию информационного общества. Особое внимание уделяется анализу инициатив «Большой восьмерки» в сфере ИКТ, содержанию Окинавской хартии глобального информационного общества (2000 г.), итогам Всемирного саммита по информационному обществу (встреча в Женеве в 2003 г. и в Тунисе в 2005 г.), Конвенциям ЮНЕСКО о защите культурного разнообразия. Выявляются особенности подходов России и США к международной информационной безопасности. Прослеживаются перспективы международного сотрудничества по развитию проектов электронного парламента.

В восьмой главе «Электронное правительство: сущность и содержание концепции» раскрывается содержание концепций электронного правительства и определяются основные этапы его формирования. Характеризуется деятельность международных организаций по содействию формированию электронного правительства. Проводится анализ реализации ФЦП «Электронная Россия (2002–2010)» и Концепции формирования электронного правительства в России до 2010 г. (2008 г.).

В девятой главе «Информационная безопасность в международных политических процессах» представлены основные подходы к понятию информационной безопасности, а также концепции cyber power Дж. Ная-мл. и конфликтов информационной эпохи. Раскрыто понятие и характерные черты информационного оружия. Рассмотрены проблемы информационной безопасности личности. Дана развернутая характеристика Доктрины информационной безопасности РФ (2000).

Каждая из глав содержит список рекомендованной литературы по теме, контрольные вопросы и задания. Кроме того, в конце учебника помещен глоссарий.

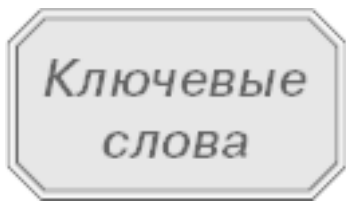
Авторский коллектив выражает благодарность проректору по экономике Е. Г. Черновой, декану факультета международных отношений И. Н. Новиковой, председателю научной комиссии факультета О. Л. Церпицкой и председателю учебно-методической комиссии Д. Н. Барышникову за предоставленную возможность опубликовать учебник.

Отдельную благодарность авторы выражают рецензентам – проф. Ю. В. Косову, проф. М. М. Лебедевой, проф. Г. С. Мельник и старшему преподавателю Е. С. Зиновьевой за ценные замечания и рекомендации, которые были учтены при создании учебника.

Глава 1

Идейные истоки информационного общества

В главе рассмотрены основные понятия, используемые в учебнике, а также пространственно-временные характеристики международных отношений, которые в условиях формирования информационного общества приобретают новые объективные параметры. Эти параметры можно свести к трем составляющим: глобализация, информатизация и демократизация (во всей противоречивости этих феноменов). Каждый из названных процессов кардинально меняет устоявшиеся пространственно-временные формы международной жизни, международных отношений и социальных форм взаимоотношений народов и отдельных граждан.

Информационное общество, информация, знание, данные, информационное пространство, глобализация.

В результате освоения данной главы обучающийся должен:

знать

основные понятия, особенности информационно-коммуникационных процессов в сфере международных отношений и мировой политики, тенденции развития глобального информационного пространства, политико-идеологические основания концепций информационного общества, принципы формирования глобального информационно-коммуникационного пространства;

уметь

объяснить проблемы, возникающие в ходе выявления сущностных характеристик информации и коммуникации; определить историческую роль и место информации и коммуникации в развитии человечества; выявить основные пространственно-временные параметры становления информационного общества;

владеть

навыками анализа явлений, свойственных различным этапам становления информационного общества; умением ориентироваться в современных источниках и литературе, посвященных теоретико-практическим аспектам формирования идеи информационного общества и ее воплощения в жизнь.

1.1. Информация и коммуникация. Природа, сущность, основные понятия

Прежде чем рассмотреть вопрос о роли информации в международной жизни, необходимо уточнить содержание понятия «*информация*». Это достаточно сложно, поскольку единого, общепринятого определения данного чрезвычайно многообразного феномена пока нет. Есть разные мнения об этимологии слова «информация». Первоначально оно стало активно использоваться журналистами, которые подразумевали под информацией интересные для широкой публики новости.

В Новейшем словаре иностранных слов и выражений слово «информация» соотносится с лат. *informatio* – разъяснение, просвещение [Новейший словарь иностранных слов и выражений, 2002, с. 352]. В Большом энциклопедическом словаре оно интерпретируется как «общенаучное понятие, включающее обмен сведениями между людьми, человеком и автоматом, автоматом и автоматом; обмен сигналами в животном и растительном мире; передача признаков от клетки к клетке, от организма к организму; одно из понятий кибернетики» [Большой энциклопедический словарь, 2004, с. 455].

В двадцатом веке этот термин начали использовать в различных научных областях, где слово «информация» приобрело специфическое звучание: *в математических* теориях информация связана с абстрактными объектами, не существующими в физической реальности; *в физике* информацию рассматривают в одном ряду с веществом и энергией; *в кибернетике и теории информации* изучаются особенности природы, сущности и функционирования информации. В рамках этих дисциплин она рассматривается как сообщение, которое система получает из внешнего мира в процессе приспособления к нему. *Биологи, генетики и психологи* соотносят информацию с сигналами, импульсами и кодами (лауреат Нобелевской премии в области химии 2006 г. Р. Корнберг объяснил характер передачи генетической информации).

Информация связана с процессами управления и развития, способствующими устойчивости и выживаемости различных систем. Информация является противоположностью *энтропии*. Энтропия (*гр. – поворот, превращение*) – одно из фундаментальных свойств любых систем с вероятностным поведением. Энтропия выступает в качестве меры беспорядка, неопределенности. По мнению К. Шеннона, энтропия уменьшается с появлением информации. Согласно его теории, существует имманентная взаимосвязь информации и энтропии, что легло в основание его метода исчисления информации и определения единицы ее количества («бит»). В

соответствии с положениями теории синергетики информационные процессы, свойственные живой и неживой природе, предполагают наличие структуры, упорядоченности и организации. Эти характеристики в равной степени свойственны информационной модели человека.

Самое общее определение информации, которое широко используется в современной философии, было предложено в 1973 г. отечественным ученым, профессором, исследователем философских проблем информатики, синергетики и кибернетики А. Д. Урсулом. Он понимает информацию прежде всего как отраженное разнообразие, нарушающее однообразие. Иными словами, информация представляет собой одно из универсальных свойств материи, отражение реального мира во всем его разнообразии.

То, что информация принадлежит объективной действительности, признают *атрибутивная* и *функциональная* концепции информации. Согласно первой, информация выступает атрибутом материи на всех уровнях ее существования. Этот взгляд носит онтологический характер и является сегодня достаточно распространенным. Согласно второй, информация функционирует в самоуправляемых и самоорганизующихся системах, а в неживой природе она отсутствует.

Функциональная концепция подразделяется на кибернетическое и антропоцентрическое течения.

Сторонники антропоцентрических взглядов утверждают, что по своей природе информация социальна и связана ис-

ключительно с сознанием человека и развитием общества: «Согласно этой концепции, информация – компонент нашего бытия, реальность, но не объективная, а субъективная, относящаяся к области идеального. Это та реальность, которая определяет развитие и формирование всех субъектов органического мира. Хотя информация (как и все, что относится к области идеального) не существует вне и помимо материального носителя, она не материальна и не содержится ни в каких предметах (явлениях) материального мира, в том числе в кодах, знаках, программах, машинах, изделиях и т. д. Информация есть вспышка сознания, порождающая образ реального мира. Это неотъемлемый компонент (в виде субъективной реальности) на всех уровнях организации живой материи – молекулярном, клеточном, организменном, личностном, социальном» [Астахова, 2010].

Пока еще трудно сделать вывод о том, чья точка зрения по данному вопросу наиболее близка к истине: феномен информации продолжает оставаться предметом научных дискуссий.

На современном этапе развития научно-технической мысли одной из наиболее общепринятых аксиом стало утверждение, что информация является таким же неотъемлемым компонентом Вселенной, как материя и энергия.

Согласно рассуждениям российского ученого Р. Ф. Абдева, изучающего мощные временные пласты информационной эволюции неживой и живой природы, мы стоим на по-

роге создания новой, *информационной картины мира*, которая призвана *отображать развитие объективного мира как последовательность появления различных форм материи, как единый закономерный процесс возникновения и расцвета жизни и разума, человека и общества* [Абдеев, 1994, с. 188].

Считается, что в своем идеальном варианте информационную модель Вселенной должна отражать система средств массовой информации и коммуникации.

Авторы известного «Словаря массмедиа» раскрывают понятие «информация» как сообщение знаний или сведений. «Сокращение неопределенности, случайности или энтропии... какие-либо сигналы, звуки, знаки и так далее, которые переданы, получены или сохранены... количество материала, содержащегося в кадре пленки, на странице и т. д.» [Ellmore, 1992, p. 293].

Существует и юридическое, легальное определение информации, согласно которому информацией являются любые сведения вне зависимости от формы их представления.

В обыденной речи слово «информация» означает сведения о разнообразных явлениях и процессах, происходящих в природе и обществе. В этом контексте информация неотделима от деятельности людей, способных устно, письменно или каким-либо иным способом обмениваться друг с другом необходимыми сведениями. Поэтому в развитии общества *информация выполняет познавательную, интегративную,*

коммуникативную, инструментальную функции. Нельзя не согласиться с петербургским ученым С. Г. Корконосенко, который пишет, что никто не способен приобрести необходимые ему знания о мире исключительно на основе своего непосредственного опыта. Ученый убежден, что для свободной ориентации индивида либо коллектива в окружающей его среде необходимы сведения, накопленные человечеством за всю его долгую многотысячелетнюю историю и непрерывно пополняемые сегодня. В связи с этим особую значимость приобретает социальная информация, которая «производится в процессе человеческой деятельности, отражает факты с точки зрения их общественной значимости и служит для общения между людьми и достижения ими своих целей, обусловленных их социальным положением» [Корконосенко, 1995, с. 28].

Обладая таким прагматическим качеством, как *ценность*, информация тесно связана с потребностями, интересами и мотивами людей. Одни из наиболее существенных качеств информации, циркулирующей в обществе, – ее *новизна и достоверность*.

Вместе с тем, «в отличие от обмена, лежащего в основе большинства социально-экономических процессов и в принципе обратимого (например, торговый или культурный обмены можно ограничить, прекратить или наоборот – активизировать, расширить), распространение информации носит объективный, необратимый и универсальный характер.

Эта особенность информации дает основания говорить об информационной природе человеческого общества» [Соколенко, 2002]. В данной трактовке информация представляет собой некий социальный инструмент, при помощи которого человечество обеспечивает себе существование и дальнейшее развитие.

В постпозитивистских концепциях¹ подвергается критике точка зрения, приверженцы которой считают, что информация является отражением реальности. Сторонники постпозитивизма объясняют это неопределенностью самого понятия «реальность». Социальной реальности, отмечают они, помимо людей, не существует и, соответственно, нет «объективных» законов человеческого поведения. По мнению тех, кто придерживается классических взглядов на познание мира, данный подход уязвим, потому что ведет к размыванию граней между субъектом и объектом познания.

Сегодня особую актуальность приобретает умение критически относиться к информации, особенно той, которая распространяется в сфере массмедиа. К сожалению, приходится констатировать, что сегодня далеко не все люди умеют критически оценивать поступающую к ним информацию. Зачастую они безоговорочно верят тому, что транслируется по телевидению либо написано в газетах или на страни-

¹ Постпозитивизм – общее название нескольких школ философии науки, которые критически относятся к тем теориям, которые обосновывали получение объективного знания из опыта.

цах Интернета. Пассивное отношение к лавинообразно растущей информации способствует развитию «информационного тоталитаризма», ведущего к подавлению самостоятельной, критически мыслящей личности.

Особое внимание в современных исследованиях уделяется вопросам *международной информации*, потоки которой обрели глобальный характер. Глобализация информационной среды по-разному влияет на человека.

С одной стороны, если раньше «заинтересованный субъект читал газету, журнал, смотрел телевизор, слушал радио и получал индивидуальную картину происходящего, то теперь данный субъект может обратиться к электронной медийной системе, которая выдает ему в значительной мере готовые количественные и качественные выводы, сделанные на основе анализа всего массива публикаций и передач» [Дзялошинский, 2013, с. 1]. Иначе говоря, индивид утрачивает способность самостоятельно отбирать и оценивать факты, события и явления.

С другой стороны, развитие сетевых технологий приводит к тому, что человек все интенсивнее включается в производство информации. Это означает, что увеличиваются его самостоятельность и активность в ходе осмысления мира, увеличиваются возможности общения с другими людьми. Какая из этих тенденций является доминирующей, зависит от сценария мирового развития, в частности от того, насколько реальным, а не декларативным окажется развитие демократии

– как в масштабе отдельных стран, так и на мировой арене.

Рассматривая информационные процессы на международном уровне, И. Н. Панарин подчеркивает усиление внимания мировой политической элиты к феномену социальной информации, поскольку «социальная информация может являться индикатором (показателем) функционирования мировой политики. Социальная информация все больше влияет на борьбу национальных политических элит» [Панарин, 2004, с. 177].

На циркуляцию социальной информации в пространстве мировой политики влияют несколько факторов: *уровни циркуляции* (национальный, региональный, континентальный, глобальный); *время циркуляции* (краткосрочное, среднесрочное, долгосрочное); *комментарий к информации* (позитивный, негативный, нейтральный); *способ доведения информации* (с помощью СМИ, через спецслужбы, через неформальные связи, с помощью дипломатических источников, через бизнес-структуры); *цель доведения информации* (убеждение, воздействие, ответная реакция, компрометация, создание новых ценностей и правил для политической элиты).

Как пишет отечественный исследователь международных информационно-коммуникационных процессов Ю. Б. Кашлев, проблематика международного обмена информацией обсуждается в большинстве всемирных организаций: «В ООН это происходит в основном по трем направлениям. Во-первых. Наиболее важные аспекты данной проблематики

поднимаются на сессиях Генеральной Ассамблеи, где принимаются соответствующие резолюции <...>. Во-вторых, в структуре ООН имеется специальное подразделение – департамент общественной информации, который занимается в основном пропагандой деятельности Организации. В-третьих, существует Комитет ООН по информации, в котором представлены все члены Организации и который рассматривает отношения между государствами в этой области <...>. Вторая по значению всемирная организация – ЮНЕСКО – вплотную занимается проблемами коммуникации и массовой информации, проводит региональные и всемирные конгрессы на эту тему, готовит самые известные исследования, реализует Международную программу развития коммуникации (помощь в этой сфере развивающимся странам). Опросы информации и коммуникации присутствуют в деятельности Совета Европы (главным образом, через призму нарушений прав человека в области информации). Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе <...>. Информационные подразделения имеются практически во всех международных организациях, включая НАТО, Движение неприсоединившихся государств и т. д. <...>. В последние годы во многих международных организациях рассматриваются проблемы, связанные с Интернетом <...>. Не исключено, что в будущем может возникнуть идея объединения усилий и подразделений в этой области в новую единую всемирную организацию системы ООН по электронной ин-

формации» [Кашлев, 2002].

Хотелось бы отметить, что информационно-коммуникационные процессы, которые развертываются на международном уровне, носят весьма противоречивый характер. Они могут способствовать развитию сотрудничества между странами и народами, в то же время они очень часто приобретают характер информационно-психологических войн. Поэтому одной из важных проблем современности является проблема международной информационной безопасности.

Знак, значение, смысл

Для информационных процессов, связанных с деятельностью человека, наибольшее значение имеет такое понятие, как **знак**. Оно обозначает «материальный, чувственно воспринимаемый предмет (явление, действие), который выступает как представитель другого предмета, свойства или отношения» [Кононенко, 2003]. Собственно человеческую высшую нервную деятельность связывают со второй сигнальной системой, которая оперирует знаковыми образованиями, отражая действительность в обобщенном и символическом виде. Обычно выделяют *иконические* (изобразительные), *конвенциональные* (условные, к ним относятся слова) и *индексальные* знаки (в их число входят, например, дорожные знаки). В некоторых исследованиях встречается классификация знаковых систем, которая включает в себя, соответственно, *зна-*

ки-модели (изображения), *знаки-обозначения* (слова) и *знаки-символы* (например, знаки солнцеворота и др.).

В зависимости от способа их восприятия при помощи слуха, зрения, осязания (например, алфавит для слепых), обоняния, вкуса выделяются пять групп знаков. Установлено, что наиболее важны для человека слуховые и зрительные знаки, которые можно классифицировать в зависимости от способа их производства: *вокально-слуховые и инструментально-слуховые, преходящие* (зрительные, а иногда и слуховые), исчезающие сразу же после возникновения, *продолжительные* знаки, сохраняющиеся определенное время.

Преходящие зрительные знаки носят пространственный характер и включают в себя мимику и жесты. К *продолжительным* знакам относятся произведения изобразительного искусства, следы, дорожные указатели, гербы, военные знаки отличия и т. п. В систему продолжительных оптических знаков также входит письмо, генетически связанное с изображением обозначаемых предметов, а затем сблизившееся со звуковым языком.

В жизни человека особое место занимают *языковые знаки*. Между ними и обозначаемыми ими событиями нет видимой материальной связи, зато наличествует идеальная, социокультурная связь: «Пользователи языка (индивид, группа, общество) мысленно относят знаки к обозначаемому. Условием введения какого-либо соглашения об употреблении некоторого знака является присоединение его, хотя бы

временное, к ранее принятым соглашениям. Чтобы изменить соглашение, необходимо неявно принять другие соглашения, а именно те, которые касаются употребления терминов (слов) и выражений, разъясняющих смысл нового знака» [Будко, 2007].

Знаки могут быть подразделены на *знаки естественных и научных языков*. К первым относятся слова, построенные в соответствии с правилами грамматики выражения, предложения и т. д. Искусственные языки применяются в науке. В искусственные знаковые системы включаются кодовые системы (азбука Морзе и др.), знаки для моделирования процессов и составления формул.

Знаки обладают *смыслом* – мнимым или реальным предназначением каких-либо вещей, слов, понятий или действий, заложенным личностью или общностью. Понятие смысла раскрывается как «сущность феномена в более широком контексте реальности. Смысл феномена оправдывает существование феномена, так как определяет его место в некоторой целостности, вводит отношения "часть – целое", делает его необходимым в качестве части этой целостности» [Шрейдер, 2000, с. 576].

Смысл непосредственно зависит от знаний о предмете, который, на первый взгляд, может выглядеть бессмысленным, если не понятно, как им пользоваться. Случается, что предмет кажется полезным, на самом деле таковым не являясь. То, что кажется вполне осмысленным одним, подчас выгля-

дит бессмысленным для других.

Уникальным носителем смысла является язык : «Для народа, использующего определенный язык, каждое слово имеет свой смысл, свое назначение. Осуществляется передача какой-либо информации, достигается понимание людьми друг друга. Они могут обмениваться полезными знаниями о разных явлениях, предметах и событиях. Если бы языка не было, то смысл многих событий, которые были засвидетельствованы лишь отдельными людьми, оставался бы скрытым от других людей. События не стали бы полезными, а в случае приближения опасности люди не узнали бы о ней заранее и не успели бы подготовиться» [Язык: Википедия].

Проблема смысла входит в предметную область онтологии, теории познания и методологии науки. Таким образом, исследуются смысловые координаты бытия, источники и границы знания, выявляются особенности и возможности конкретного научного метода, его способности обеспечить решение сложных научных задач.

Проблемами смысла занимается *семиотика*, в рамках которой четко различаются понятия «*смысл*» и «*значение*». *Значение* рассматривается как ассоциативная связь между знаком и смыслом или мыслью. Понятие «*значение*» используется психологами, рассматривающими его в единстве взаимодействия сознания и деятельности. Согласно мнению А. Н. Леонтьева, значение является важной проблемой психологии сознания. Если чувственные образы придают реаль-

ность сознательной картине мира, то «значения преломляют мир в сознании человека. Хотя носителем значений является язык, но язык – не демиург значений. За языковыми значениями скрываются общественно выработанные способы (операции) действия, в процессе которых люди изменяют и познают объективную реальность. Иначе говоря, в значениях представлена преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений, раскрытых совокупной общественной практикой» [Леонтьев, 2005].

Значение связано с субъективностью нашего сознания, которое проявляется в таком его компоненте, как личностный смысл, который формирует пристрастность человека. В условиях идейно-политического противостояния «личностные смыслы, отражающие мотивы, порождаемые действительными жизненными отношениями человека, могут не найти адекватно воплощающих их объективных значений, и тогда они начинают жить как бы в чужих одеждах. Нужно представить себе капитальное противоречие, которое порождает это явление. Ведь в отличие от бытия общества, бытие индивида не является "самоговорящим", т. е. индивид не имеет собственного языка, вырабатываемых им самим значений; осознание им явлений действительности может происходить только посредством усваиваемых им извне "готовых" значений – знаний, понятий, взглядов, которые он получает в общении, в тех или иных формах индивидуальной и

массовой коммуникации. Это и создает возможность внесения в его сознание, навязывания ему искаженных или фантастических представлений и идей, в том числе таких, которые не имеют никакой почвы в его реальном, практическом жизненном опыте» [Там же].

В текстах, посвященных информационной тематике, часто встречаются термины, разграничить которые также представляется необходимым. Во-первых, это **данные** (от лат. *data*) – «представление фактов и идей в формализованном виде, пригодном для передачи и обработки в информационном процессе». Во-вторых, это **сообщение** – наименьший элемент языка, «имеющий идею или смысл, пригодный для общения. Обычно сообщение передается в виде предложения или условного знака» [Сообщение: Википедия]. Сообщение обладает своим жизненным циклом, который состоит из определенных этапов: кодирование отправителем идеи или мысли в сообщение, передача сообщения получателю, получение сообщения и декодирование его смысла.

Текст, гипертекст, дискурс

Текст является сложным уровнем организации информации. Текст определяется, как «последовательность осмысленных высказываний, передающих информацию, объединенных общей темой, обладающих свойствами связности и цельности» [Руднев, 1997, с. 305].

Категории цельности и связности являются основными признаками текста. *Цельность* – это смысловое единство текста, а *связность* – формальное выражение цельности. Статусу текста соответствуют результаты как письменной, так и устной форм речи, причем не только монологической, но и диалогической. Следует обратить внимание и на то, что в данном определении особо подчеркивается неразрывная связь текста и информации.

Текст обладает *планом содержания*, которым является сама мысль, и *планом выражения* – тем, что служит для выражения этой мысли: «План содержания – это предмет речи, результат взаимодействия значений языковых единиц, входящих в текст. Смысл текста – явление более высокого уровня, складывается из взаимодействия плана содержания с контекстуальной, ситуативной и энциклопедической информацией, формирует идею текста» [Шевченко, 2000, с. 19].

В процессе коммуникации знак отражает единство содержания и выражения. Единицей плана выражения выступает код – буква алфавита, фонема, условное обозначение, музыкальная нота, фигура танца, цвет в живописи.

Согласно теории социальной коммуникации, разработанной профессором А. В. Соколовым, «всякий знак – это свернутый текст, скрытый в его значении, а всякий текст – элемент смыслового диалога, дискурса, постоянно ведущегося в обществе и между обществами, включая прошлые поколе-

ния» [Соколов, 2002, с. 10].

Считается, что мы живем в условиях смены речевых культур. Приходится признать, что эпоха, в которой речевая практика общества ориентировалась преимущественно на литературный художественный текст, постепенно уходит в прошлое. Речевая культура современной эпохи ориентирована в большей степени на медиатекст, т. е. на текст, сгенерированный системой массовой коммуникации. Необратимость и «одноразовость» текста не только вносят коррективы в его восприятие, но и в конечном счете ведут к изменению ментальности человека, для которого текст обретает преимущественно утилитарный смысл. В калейдоскопе быстро сменяющихся друг друга текстов их потребителю оказывается трудно самому воссоздать сколько-нибудь целостную картину мира. В условиях возрастающей виртуализации жизни у человека может возникнуть ощущение потери чувства реальности, все больше и больше обретающей иллюзорный характер: «Информационные образы объектов, персон и процессов теряют какую-либо связь с реальными образами» [Дзялошинский, 2013].

Сегодня широкое распространение получило понятие *гипертекста*. С одной стороны, в области компьютерных технологий он рассматривается как средство поддержания связей между информацией, хранящейся в разных файлах и на различных компьютерах. Известная аббревиатура HTTP (HyperText Transfer Protocol) переводится как Протокол пе-

редачи гипертекста.

Гипертекст понимается и в более широком значении – как способ установления взаимосвязи между различными артефактами культуры – т. е. между теми материальными и духовными продуктами, которые созданы человеком. Его рассматривают как универсальный информационно-коммуникационный комплекс, представленный в знаковой форме, обладающий значением и смыслом и распространяемый глобально. В научной литературе встречается и слово «*метатекст*» – своеобразный текст о тексте, поясняющий его происхождение и содержание гипертекста. С помощью современных компьютерных технологий он обретает многомерность, пространственную объемность.

Тесно связаны между собой понятия *текста и дискурса*. Иногда дискурс рассматривается как текст, обозначающий всю среду окружающей нас сложной смысловой культуры, формирующийся в ходе социальных взаимодействий, отражающий и продуцирующий действительность. Текст иногда определяется как имманентно связная (и цельная) промежуточная стадия дискурса, любая протяженность, последовательность языковых знаков, заключенная между двумя остановками в коммуникации.

Несмотря на то, что понятие «*дискурс*» является весьма распространенным в исследовательской практике, его общепринятой дефиниции пока еще не существует. Дискурс (фр. *discours*, англ. *discourse*, от лат. *discursus* – бегание взад-вне-

ред; движение, круговорот; беседа, разговор) истолковывается как речь, процесс языковой деятельности, способ говорения. Дискурс выступает в качестве предмета исследования лингвистики, литературоведения, семиотики, социологии, философии, этнологии и антропологии.

В социогуманитарном знании дискурс рассматривается прежде всего как «социально обусловленная организация системы речи, а также определенные принципы, в соответствии с которыми реальность классифицируется и репрезентируется (представляется) в те или иные периоды времени» [Дискурс: Википедия].

В лингвистике дискурс интерпретируется как речь, которая реализуется в коммуникативной ситуации. В дискурсе «воплощается пространство социального взаимодействия, опосредуемое средствами того или иного языка» [Григорьева, 2007, с. 10]. Понятие «дискурс» отражает взаимосвязь речи и внешних факторов, влияющих на особенности этой речи. В различных дискурсах используются разные вербальные и невербальные средства. В современных исследованиях дискурс предстает как «речь, погруженная в жизнь»; как движение информационного потока между участниками коммуникации; как совокупность речемыслительных действий участников коммуникации, связанная с познанием, осмыслением и презентацией мира коммуникатором и восприятием картины мира реципиентом.

Представители школы постструктурализма подчеркива-

ют социальный характер дискурса, обозначая его как определенный тип высказывания, характерный для конкретной группы или эпохи. По мысли М. Фуко, понятие «дискурс» включает в себя общественно принятые способы видения и интерпретации мира и вытекающие из этого действия людей и формы организации социума, которые фактически формируют мир.

По словам В. Е. Морозова, «понятие дискурса стало одним из центральных не только для философии постструктурализма, но и в целом для наук о человеке и обществе <...>. Понятие дискурса, впервые подробно разработанное в «Археологии знания», отражает взаимосвязь и взаимное присутствие лингвистического в социальном и наоборот» [Морозов, 2009, с. 47].

Вопрос о соотношении дискурса, бытия, сознания и познания является сложным и дискуссионным. Дискурс представляет собой форму знакового отражения бытия, которая, будучи элементом надстройки, оказывает воздействие на процессы социальной жизни.

Знание, информация, коммуникация

Знание в широком смысле слова представляет собой совокупность понятий, теоретических построений и представлений. Понятие «знание» определяется как форма существования и систематизации результатов познавательной де-

тельности человека. Оно рассматривается и как субъективный образ объективной реальности, то есть как отражение внешнего мира в формах деятельности человека, в формах его сознания и воли. Знание может трактоваться как глубокое понимание предмета, умение применять его на практике для достижения определенных целей.

Знание можно определить и как «закономерности предметной области (принципы, связи, законы), полученные в результате практической деятельности и профессионального опыта, позволяющие специалистам ставить и решать задачи в этой области» [Концепция развития в Самарской области информационного общества и формирования электронного правительства до 2015 г., 2007]. Кроме того, знание – это «проверенный практикой результат познания действительности, верное ее отражение в сознании человека. Знание противоположно незнанию, т. е. отсутствию проверенной информации о чем-либо» [Знание: Большая советская энциклопедия].

Важным представляется и то, что знание выступает как информация, о которой кто-либо осведомлен. В теории искусственного интеллекта оно трактуется как «совокупность сведений (у индивидуума, общества или у системы искусственного интеллекта) о мире, включающих в себя информацию о свойствах объектов, закономерностях процессов и явлений, а также правилах использования этой информации для принятия решений. Главное отличие знаний от данных

состоит в их активности, т. е. появление в базе новых фактов или установление новых связей может стать источником активности системы» [Знание: Википедия].

Необходимо выделить наиболее принципиальные аспекты понятия «знание» в контексте информационной технологии.

- знание как познание, т. е. научное знание;
- знание как сумма фактов или данных, т. е. информация;
- знание как сила, т. е. информационная власть или могущество.

Для характеристики соотношения знания и информации несомненное значение имеет такое понятие, как **факт**. Оно имеет много толкований. На быденном уровне слово «факт» (этимологически оно восходит к *лат. factum – сделанное, свершившееся*) употребляется в значении «истина, событие, результат». Как отмечают отечественные авторы, «понятие "научный факт" значительно шире и многограннее чем понятие "факт", применяемое в быденной жизни. Когда говорят о научных фактах, то понимают их как элементы, составляющие основу научного знания, отражающие объективные свойства вещей и процессов. На основании научных фактов определяются закономерности явлений, строятся теории и выводятся законы» [Кузин, 1997, с. 54]. В постпозитивистских концепциях познания существует иное отношение к факту. Так, по мнению К. Поппера, теория, содержащая гипотетические построения, подтверждается исключительно эмпирическими фактами. В постмодер-

нистском видении мира факт заменяется *симулякром* – образом, которому нет аналога в действительности, да и само понятие действительности ставится под сомнение.

Выше уже отмечалось, что информация – это сумма фактов, однако если эти факты подвергнуть углубленному анализу, то возникнет *научная информация*, необходимая для самых разных общественных нужд. Так, в сфере международных отношений если информацию собрать и обработать, руководствуясь теми или иными практическими целями (политическими – например, в дипломатии; экономическими – например, промышленный шпионаж), создается знание, которое может дать огромную власть в постиндустриальном обществе, где информация является как важнейшим сырьем, так и важнейшим товаром.

Объективная ситуация такова, что чрезвычайно усложнившиеся взаимоотношения с природной средой, высокая степень стохастических последствий технологического прогресса сделали необходимым резкое увеличение объемов знания, которое дает возможность контролировать ситуацию как социальную, природную, так и технологическую. Знания влияют на все стороны жизни и становятся важнейшим объектом потребления.

В условиях стремительного развития современной цивилизации все большее значение приобретают не столько материальные ресурсы, сколько виртуальные. И в этом смысле информация представляет собой важнейший ресурс, сво-

его рода «интеллектуальную руду», из которой посредством анализа, сравнения и взаимодействия с уже существующей в воспринимающей системе информацией получается обогащенная, социально значимая информация. Информационное сырье поступает для обработки в информационные центры, где уже в систематизированном виде хранится в банках данных. Существует система как государственных, так и частных банков. Например, в США еще в 1988 г. Конгрессом было принято решение о коммерциализации баз данных. Все огромные файлы информации Госдепартамента были переданы в частный сектор для коммерческой эксплуатации. В связи с этим нужно особо подчеркнуть товарный, стоимостный характер информации.

Если продолжить эту мысль, то логично будет сказать, что наука – наиважнейший, наряду с техникой, фактор деятельного развития технологии – имеет отношение к миру знаний. Последнее обстоятельство имеет в современных условиях цивилизационного развития важнейшее значение.

Экспоненциальный рост науки в наше время делает технологию мощным фактором всеобщих изменений. При этом знания влияют на все стороны жизни и становятся важнейшим объектом потребления.

Чтобы лучше понять взаимосвязь информации и знания, приведем следующий пример. Так, слово на иностранном языке несет информацию, но чтобы она была значима для слушателя, необходима ее обработка. Однако не каждый че-

ловек знает иностранные языки, поэтому процесс преобразования информационного сырья в знания требует определенного интеллектуального уровня воспринимающего и перерабатывающего информацию субъекта. Знание – это уже осмысленная информация. Выражение – «информация к размышлению» – означает, что имеется определенный особый материал, сырье (информация), которое в результате переработки (с помощью естественного интеллекта – человеческий мозг; или с помощью искусственного интеллекта – компьютер) приобретает характер знания.

Информация неразрывно связана с *коммуникацией*. Коммуникация (связь) всегда была необходимым элементом общественной жизни. Наличие связи, адекватной социальным целям, – важнейшее условие нормального функционирования общества.

Проследивая этимологию слова «коммуникация», известный отечественный ученый Д. П. Гавра пишет, что это понятие, восходящее к латинскому «communico» (делаю общим, связываю, общаюсь), в европейских языках имеет общую генетическую основу – «акцент на обеспечение общности, связи между людьми. Эта этимологическая привязка к понятиям общности, связи, совместной деятельности... играет очень важную роль в современном научном понимании сущности коммуникационных процессов» [Гавра, 2005, с. 19].

В русском языке слово «коммуникация» появилось ори-

ентировочно в конце XVII – начале XVIII вв. В первом российском словаре иностранных слов, в составлении которого участвовал Петр I, слово «Коммуникация» означало «переговоры», «сообщение». Позднее в знаменитом словаре В. И. Даля оно будет трактоваться уже как «пути, дороги, связи мест». В дальнейшем значение рассматриваемого понятия будет расширяться. И сегодня существуют различные толкования слова «коммуникация». Например, ее определяют как процесс использования языковых и неязыковых знаков в целях установления социального взаимодействия.

Как отмечает Д. П. Гавра, научное определение коммуникации должно строиться на основе прояснения сущностных характеристик категории коммуникации (взаимодействующие объекты, субстанция, характер взаимодействия). Исходя из этого, ученый предлагает два рабочих определения коммуникации. В широком смысле «коммуникация – это эффективное синхронное и диахронное взаимодействие субъектов из мира живой природы, способных к автономному поведению, сущность которого составляет движение от одного субъекта (источника) к другому (получателю) информации, имеющий смысл для обоих субъектов (коммуникационной субстанции или сообщения в идеальной или идеально-материальной форме) <...>. В узком смысле под коммуникацией следует понимать эффективное синхронное и диахронное взаимодействие социальных субъектов (людей и (или) их общностей), сущность которого составляет движе-

ние от одного субъекта (источника) к другому (получателю) имеющей для них смысл информации (коммуникационной субстанции или сообщения в идеальной или идеально-материальной форме)» [Гавра, 2005, с. 53–54].

Одним из наиболее близких к понятию «коммуникации» является понятие «общение». Содержанием *общения* – обмена сведениями с помощью языка или жестов – является информация, которая неотделима от деятельности людей, способных устно, письменно или каким-либо иным способом обмениваться друг с другом необходимыми сведениями. Распространение информации истолковывается как процесс, способствующий тому, чтобы индивид мог поделиться друг с другом информацией, идеями и установками. Следует обратить внимание и на тот факт, что англоязычная трактовка понятия «коммуникация» во многом совпадает с русскоязычным пониманием слова «информация».

Особый вид общения представляет собой коммуникационная деятельность, содержание которой составляет передача информации от источника (коммуникатора) к получателю (реципиенту) с помощью определенного канала. Между коммуникатором и реципиентом может осуществляться «обратная связь» – процесс, в ходе которого коммуникатор узнает о том, с какой степенью полноты информация была получена и освоена реципиентом.

При рассмотрении вопросов, связанных с процессом коммуникации, необходимо обратить внимание еще на два вза-

имосвязанных понятия – *коммуникативное действие* и *коммуникативная личность*. Оба приводятся в трактовке Д. П. Гавры. Коммуникативное действие – это действие социального субъекта, связанное с выполнением им функции источника либо получателя сообщения. В широком смысле понятие «коммуникативная личность» равнозначно понятию «личность», а в узком оно определяется как устойчивая система «социально значимых (свойств и) качеств, характеризующих индивида как субъекта социальной коммуникации (коммуникативного актора)» [Там же, с. 56, 75].

Как уже отмечалось, информация и коммуникация образуют органичное единство, которое проявляется и на международном уровне. *Международные информационные процессы* тесно связаны с международной коммуникацией. В самом сжатом виде под *международной коммуникацией* принято понимать коммуникацию, которая осуществляется, минуя границы национального государства. Данное определение принадлежит американскому ученому Р. Фортнеру, который обозначает некоторые характеристики, обуславливающие специфику международной коммуникации: это преднамеренное или непреднамеренное распространение информации; наличие публичных или частных каналов ее распространения; использование различных технологий; разнообразие содержания и форм его передачи; культурные последствия и политическая природа международной коммуникации.

По мнению Р. Фортнера, трудно обнаружить истоки международной коммуникации. Она возникла одновременно с появлением национальных государств и даже раньше, потому что великие государства древности – Греция, Рим, Египет, Вавилон нуждались в средствах осуществления коммуникации на огромных территориях, включающих множество различных политических, лингвистических и культурных образований.

Р. Фортнер называет международную коммуникацию одной из самых интересных исследовательских проблем, потому что ее изучение затрагивает множество вопросов, возникающих один за другим и касающихся политической, экономической, социальной, культурной, технической и военной сфер международной жизни. Международная коммуникация, по его словам, фокусирует внимание на таких важных аспектах, как права человека и право интеллектуальной собственности [Fortner, 1993, p. 1–10].

Особое значение приобретает рассмотрение такого феномена, как **массовая коммуникация** (иногда в социогуманитарной научной литературе речь идет о *массовых коммуникациях*). Оба эти слова часто употребляют как синонимичные. Самое общее определение массовых коммуникаций сводится к следующему: «Массовые коммуникации (МК) являются одним из видов коммуникаций и определяются как процесс производства и передачи сообщений большим массам людей, рассредоточенных в пространстве и вре-

мени, с помощью специальных технических средств» [Яковлев, 2007, с. 3].

Д. А. Ольшанский определяет массовую коммуникацию как особый вид человеческой жизнедеятельности, осуществляемый в целях воздействия на никоим образом не связанных между собой индивидов и социальных групп ради массовизации их сознания и поведения. М. Вебер прямо рассматривал прессу как «капиталистическое предприятие». Р. Парк, Ч. Кули, У. Липпман трактовали массовую коммуникацию как особый способ общения масс, возникающей на волне индустриализации и урбанизации «коллективной группировки», объект интересов членов которой лежит вне широкого разнообразия локальных групп и культур, к которым они принадлежат. По мнению Д. А. Ольшанского, массовая коммуникация, во-первых, «объективно является особым способом общения отдельных индивидов, неизбежно способствующим их самоорганизации в массу. Это мало зависит от коммуникатора. Во-вторых, помимо такой совершенно объективной и как бы вынужденной для коммуникатора функции формирования естественных масс (без осуществления этой функции просто не было бы массовой коммуникации как особого феномена), массовая коммуникация может формировать и массы искусственные. Этот уже субъективный процесс в основном зависит от коммуникатора. Он происходит в ходе осуществления двух последних функций и связан с манипулированием возникшим в результате осу-

ществления первых функций массовым сознанием» [Ольшанский, 2002, с. 294].

В теории массовой коммуникации принято выделять три вида массовой коммуникации:

- 1) печатные (книги, журналы, газеты);
- 2) электронные (радио, телевидение, Интернет);
- 3) «химические» (кино, фото).

Соответственно, существуют и три типа массовой коммуникации:

- 1) линейная – направленная в одну сторону без обратной связи с реципиентом;
- 2) интерактивная – предусматривающая обратную связь между коммуникатором и реципиентом, приводящую к одноразовой смене их ролей (сегодня значение этой модели возрастает);
- 3) трансакционная – предполагающая многократную, попеременную смену ролей коммуникатора и реципиента.

Ряд авторов выделяют следующие функции массовой коммуникации: *информационная, аналитическая и развлекательная*. Сегодня мы говорим об *инфотэйнменте* – сложном переплетении информирования и развлечения. Отличительной чертой *интерактивной модели массовой коммуникации* исследователи считали гомеостатическую, отсроченную обратную связь. Но сейчас реакция на событие, о котором сообщают электронные СМИ, передающие информацию в режиме реального времени, может быть очень незна-

чительно отсрочена от момента получения сообщения.

Массовая коммуникация существенно отличается от других видов коммуникации – внутриличностной, межличностной и групповой: *внутриличностная* коммуникация имеет место тогда, когда человек ведет внутренний диалог с самим собой, *межличностная* – когда общаются два или три человека, *групповая*, соответственно, предполагает общение между группами. Еще несколько лет тому назад можно было добавить в это определение фразу о том, что в ходе межличностной и групповой коммуникации люди находятся в одном и том же времени и в одном и том же пространстве, а их общение отличает непосредственная, обратная связь, для которой не требуются технические каналы и средства. Сейчас ситуация изменилась, и компьютерная техника и технологии позволяют реализовать межличностное и межгрупповое *общение в сети*. Участники таких видов общения могут почти одновременно находиться в разных географических и, соответственно, часовых поясах. *Виртуальная обратная связь*, хотя и обусловлена технически, по своему интеллектуальному наполнению фактически оказывается цифровым аналогом непосредственной обратной связи.

Представляется необходимым обратить внимание на то, что массовую коммуникацию обычно соотносят с деятельностью «старых» медиа. «Новые», электронные медиа по своей природе обладают свойством интерактивности в значительно большей степени.

Как отмечает И. П. Яковлев, процесс массовой коммуникации проходит в своем развитии четыре стадии: отбор, создание, восприятие и распространение сообщений. Первый этап описывает теория «привратника», второй – теория «повестки дня», третий – «теория культивации», четвертый – «теория эффектов массовой коммуникации».

Теория «привратника» базируется на положении о том, что не все располагают равными возможностями в отборе информации, которая должна стать предметом гласности. У каждого информационного «входа» находятся «привратники», пропускающие либо не пропускающие сообщения.

Теория «повестки дня» устанавливает приоритетность сообщений, которые обладают наибольшей важностью для тех или иных групп людей. Особо выделяется «медиаповестка», включающая в себя вопросы, которые подлежат обсуждению в СМИ.

Теория культивации рассматривает СМК как систему повторяющихся образов и представлений, воздействующих на аудиторию: «Основным методом воздействия является "рассказывание историй". Особенно преуспело в этом телевидение. Человек попадает в плен искусственного мира, создаваемого историями и все больше времени живет в нем» [Яковлев, 2007, с. 28].

Теория эффектов массовой коммуникации исследует условия и факторы, способствующие достижению когнитивных (рациональных), аффективных (эмоциональных) и по-

веденческих эффектов воздействия средств массовой коммуникации на сознание людей.

Исследования международной массовой коммуникации как субдисциплины теории международных отношений сегодня претерпевают существенные изменения. Недавно обнаруженная способность информации не только отражать, но и конструировать реальность подтолкнула исследователей к изучению баланса между аккумуляцией и конструированием знания. Событие заменило факт среди основных объектов анализа, на которых фокусируется дисциплина. Появление интерактивных технологий сделало взаимозаменяемыми источники и получателей информации, другими словами, привело к тому, что акторы коммуникации утратили свою первостепенную важность как предмет изучения.

Сегодня можно сказать, что сообщение и канал коммуникации заняли место основных объектов анализа рассматриваемой субдисциплины. Приведенные рассуждения подтверждают, что исследования международной коммуникации являются динамично развивающейся областью социально-гуманитарного знания, которая отражает изменения, свойственные современным информационно-коммуникационным процессам.

1.2. Информационные процессы в контексте глобализации: пространственно-временные аспекты

Информация является неотъемлемой частью истории человечества. На заре цивилизации существовали материальные носители информации, которые были предназначены для ее распространения в пространстве и сохранения во времени. Так, например, благодаря надписям и рисункам на стенах величественных египетских дворцов и пирамид, которые создавались в расчете на вечное существование (сопоставимое с масштабами Хроноса – бесконечно длительного времени), сегодня мы получаем сведения о жизни одного из величайших государств глубокой древности. Для фиксации сведений использовались также другие, различные по своей долговечности материалы: глина, металл, папирус, береста, воск. Свиток папируса или берестяную грамоту было легко переносить и перевозить, т. е. перемещать на большее или меньшее расстояние.

И сегодня пространственно-временная определенность является сущностной характеристикой средств информации. Категория времени – одна из важнейших и для понимания процессов, происходящих на уровне мирового сообщества. Из современной науки исключены понятия абстрактно-

го пространства и абсолютного времени. Зависимость пространственно-временных свойств от характера движения и взаимодействия материальных систем подтвердила правильность трактовки пространства и времени как основных форм существования материи, в качестве содержания которых выступает движущаяся материя. «Нет материи, лишенной временных и пространственных характеристик, и нет пространства и времени вне движущейся материи» [Ивашковская, Павлов, 2000, с. 25].

Пространственно-временные отношения специфично проявляются на разных уровнях реальности: в живой природе, социальной действительности, микропроцессах, макропроцессах и мегапроцессах, в связи с чем специально анализируются биологическое время, психологическое время, социальное пространство-время и другие виды времени и пространства.

Согласно прогнозам Э. Тоффлера, постоянно убыстряется темп перемен: «Возрастающая скорость перемен нарушает наше внутренне равновесие, преобразуя сам способ переживания жизни. Внешнее ускорение превращается в ускорение внутреннее. Это можно проиллюстрировать, хотя в весьма упрощенном виде, если мы представим жизнь одного человека как большой канал, по которому течет опыт. Этот поток опыта состоит из бесчисленных "ситуаций". Ускорение перемен в окружающем обществе резко изменит поток ситуаций, идущих через этот канал» [Тоффлер, 2004, с. 45].

Стоит отметить, что скорость изменений не для всех одинакова. Это, собственно, не противоречит утверждению психологов о биологическом, социальном и психологическом измерении возраста человека. Причем психологический возраст, как пишут ученые, принципиально обратим, многомерен, а его пласты даже в жизни отдельной личности могут не совпадать (мы ощущаем полную реализованность одной жизненной программы и незавершенность другой).

Сходные явления присущи и социуму. Одним группам, слоям, классам, социальным институтам присущи жесткие ускоренные *ритмы* жизнедеятельности, другим – плавные и замедленные. Так, рассматривая процессы функционирования массмедиа, можно отметить, с одной стороны, динамичную жизнь одних печатных изданий и радио- и телестанций, а с другой стороны – размеренную, «устоявшуюся» деятельность других.

Применительно к системе международных отношений можно выделить в первую очередь «*внутреннее время*», связанное со сменой ее состояний. Видимо, и «внутреннее время» неоднородно по своему наполнению, как неоднородны сами структурные элементы, komponующие эту систему. Достаточно вспомнить соответствующую терминологию, характеризующую разные состояния государства – «догоняющие», «движущиеся рывками» и т. д. В полной мере это можно отнести к России, которая «изобилует множеством внутренних конфликтов на почве вынужденных, догоняю-

щих модернизаций» [Крамник, 2000, с. 46].

Согласно теоретическим воззрениям профессора К. С. Гаджиева, любая цивилизация имеет собственное понимание и измерение времени. Он пишет о том, что «в социально-историческом мире эйнштейновская теория относительности времени выразилась, в частности, в существовании множества национальных и цивилизационных летоисчислений»; сейчас эти различия словно нивелируются, уступая место принципу синхронности [Гаджиев, 2000, с. 66]. Заметим, однако, что это не устраняет парадоксов и противоречий в нынешнем восприятии времени.

Согласно прогнозам Э. Тоффлера, в XXI в. множество обитателей нашей планеты – даже тех, кто живет в благополучных странах, окажутся в серьезном разладе как с будущим, так и с прошлым. Первое наступит слишком быстро, и большинство окажется к нему не готовым. Второе, несмотря на слишком резкий разрыв с предшествующим опытом развития человечества, все сильнее станет влиять на нас, ближе придвигаясь к современности. Эту ситуацию американский ученый назвал «скачком времени». Изменится и наполнение того хронологического промежутка, который располагается между прошлым и будущим.

Речь идет о настоящем, вместившем в себя и «вчера», и «завтра», т. е. о «сокращенном настоящем». Тоффлер делает прогноз: восторжествует концепция временности или новой «краткости», которая непременно будет вызывать чув-

ство непостоянности; усилится роль социально адекватной «ожидаемой длительности» явлений и событий. «Эта ожидаемая длительность, разная в каждом обществе, но воспринятая с ранних лет и глубоко укоренившаяся, сотрясается, когда изменяется темп жизни. Этим объясняется решающая разница между теми, кто остро страдает от убыстрившегося темпа жизни, и теми, кто явно подпитывается этим» [Тоффлер, 2004, с. 56].

Массмедиа, содержащие все типы информации, ориентируются сегодня на распространение прежде всего новостных потоков, фокусируют внимание массовой аудитории на сиюминутном отражении мира, которое становится решающим. В подобной ситуации старым и новым медиа не так сложно навязать массовому сознанию представление об исчерпанности (по крайней мере, в планетарных масштабах) пространственно-временного континуума, о «застревании» человечества на уровне *«всегда и везде»*. Не заменит ли тогда эта формула уже вошедшее в привычку выражение *«здесь и теперь»*?

Информационно-коммуникационные процессы также связаны с одновременностью, которая обусловлена, например, характером производства, передачи и потребления информации в традиционных и модернизированных обществах. Она присуща социальным образованиям, отличающимся «возвратным» движением в сторону утраченной архаичности. Даже концепция информационного общества,

базирующаяся на идее всеобщего, максимально широкого доступа к знаниям, признает закономерным и естественным наличие определенного процента аутсайдеров, по тем или иным причинам отстраненных от источников информации и выброшенных не столько из какого-то определенного пространства, сколько из своего социального времени.

По мнению петербургского исследователя К. С. Пигрова, в каждой культуре и в каждом крупном политическом движении есть свой Кайрос. Он утверждал, что в России начала XXI в. Кайрос трех крупных политических сил обозначал *«находящуюся в прошлом (что принципиально) «полноту времен»* [Пигров, 2005, с. 160].

В трудах Ю. Хабермаса нашел отражение феномен «обратной перемотки», который был характерен для догоняющих революций, произошедших на востоке Центральной Европы и в ГДР. В Польше, Венгрии, Чехословакии, Румынии и Болгарии, где «революционные изменения сгустились в революционные события, в высшей степени отчетливо артикулируется желание найти конституционно-политическую привязку к наследию буржуазных революций и социально-политическую привязку к коммуникационным и жизненным формам развитого капитализма...» [Хабермас, 2005, с. 149].

Говоря об основных характеристиках хронологических аспектов информационного общества, нельзя не упомянуть и о таком понятии, как *«эпоха»*, которое дает возможность

понять основополагающие черты развития общества на том или ином длительном временном отрезке. Как правило, начало новой эпохи ознаменовано революционными качественными преобразованиями. В последнее время все отчетливее формируется позиция, согласно которой не социальные и не технологические революции, взятые сами по себе, а *революции информационные* характеризуют наиболее крупные переломные эпохи в развитии человечества.

История и предыстория глобализации вместили в себя несколько информационных революций, которые привели к кардинальным изменениям в области хранения, обработки и передачи информации. Так, американский ученый Д. Робертсон выделяет стадии информационного развития человечества [Robertson, 1990]:

- первая – связана с изобретением языка;
- вторая – с письменностью;
- третья – с книгопечатанием;
- четвертая – с эрой электрических систем связи, расцвет которой – создание электронно-вычислительных машин и новых типов коммуникаций.

К данной периодизации можно было бы добавить еще одну стадию (или революцию), которая связана с развитием *сетевых технологий* и возникновением *виртуальных сетевых сообществ*. В них сегодня представлены основополагающие элементы гражданского общества.

Позиция Д. Робертсона во многом перекликается с точ-

кой зрения известнейшего создателя технологических концепций Д. Белла. Он, в свою очередь, выделил три технологические революции (за период XIX–XX вв.), из них последняя «информационная» совпадает по характеристикам с четвертой стадией информационной теории Д. Робертсона.

Глобализационные и информационные процессы невозможно отделить друг от друга. Они органично вписываются в ту периодизацию цивилизационного развития, которая получила признание в культурологии и подразделяет культурный процесс на три этапа:

- 1) эпоха дописьменной культуры (от неолитической революции до четвертого – третьего тысячелетия до н. э.);
- 2) эпоха письменной культуры (с момента изобретения письменности до настоящего времени);
- 3) эпоха послеписьменной, или электронной, культуры.

Каждому из этих этапов соответствуют глубокие сдвиги в области информации и коммуникации.

Дописьменная культура дала миру те знаковые системы, вне которых невозможно протекание информационно-коммуникационных процессов в человеческом обществе. Именно в это время человек ощутил универсализм слова, способного передать смысл, единый для всех членов той или иной группы. Устная речь на многие столетия станет ведущим средством передачи социальной информации. В русле письменной речи продолжили свое развитие устные формы распространения информации, достигшие подлинного со-

вершенства в риторике, которая, по выражению древнегреческих философов, являла собой «штурвал в руках политиков». Но постепенно письменные тексты (прежде всего священные) доказали свои права в качестве хранителя исторической памяти, ознаменовав переход к линейному восприятию времени (в цепочке прошлого, настоящего и будущего), и стали культурным кодом эпохи – тем важнейшим системообразующим компонентом культуры, без которого ее существование было бы невозможным.

Многие священные тексты эпохи письменной культуры, которые образовали культурный код того времени, предназначались лишь для очень узкого круга посвященных. Повседневные тексты, циркулирующие в различных сферах жизнедеятельности человека, шаг за шагом приобретали все более доступный характер. Известно, что Древний Рим вплотную подошел к созданию газеты, провозвестниками которой стали «Акта дыурна» и «Акта сенатус», сообщавшие злободневные сведения, которые интересовали читающую публику. Записки о военных походах, историография, мемуаристика, переписка римских вельмож с наместниками далеких провинций – все это легло в основу будущей прессы.

Для развития информационно-коммуникационных процессов эпохи письменной культуры непреходящим значением обладают периоды Возрождения и Реформации. Крупнейшие торговые и университетские города Европы одновременно становятся центрами, где производятся, собирают-

ся, распространяются и продаются рукописные новости, которые обретают стоимость.

С периодом Реформации известный канадский ученый М. Маклюэн связывает возникновение «Галактики Гутенберга» – системы информации и коммуникации, скорость расширения которой постоянно увеличивается. Печатный станок (его изобретение считают первой революцией в обмене информацией) ученые называют технологическим достижением, открывшим путь к информационному обществу.

Пришедшее на смену рукописному производству текстов книгопечатание позволило расширить круг читательской аудитории, которую еще нельзя было назвать массовой. Но шаг в сторону массовизации информации и коммуникации был сделан. Новая технология очень быстро стала использоваться в целях пропаганды.

Существует точка зрения, что *знание обрело информационную форму, когда в эпоху Просвещения научный текст начал играть роль культурного кода*. Считалось, что предназначение журналистов состоит в компетентной и добросовестной передаче читателям добытого учеными знания, в первую очередь экспериментально выверенного. Естественно, содержание газет и журнальной периодики не ограничивалось только отчетами о последних научных достижениях и политических событиях. Оно включало в себя (и по сей день продолжает включать) сведения о повседневных интересах людей.

Новый этап развития информационно-коммуникационных процессов и всей письменной культуры в целом был связан с XIX в. Это столетие было ознаменовано изобретением *телеграфа, телефона и радио* – тогда еще называвшегося беспроволочным, или беспроводным, телеграфом. Они с разной скоростью внедрялись в жизнь, но уже изначально их значение для развития информационно-коммуникационных процессов было неоспоримо. Существенно изменилась техника производства печатной продукции, появились новые средства ее распространения. Увеличились тиражи печатных изданий и ускорились темпы их доставки читателям. Когда был проложен телеграфный кабель под Ламаншем, стали говорить о том, что пространство и время исчезли.

Массовая культура и массовая коммуникация – во всей сложности и противоречивости этих феноменов – достигли своего апогея во второй половине XX в. Они изменили характер формирования картины мира в сознании людей. В то же время обозначились и негативные черты этих феноменов, критика которых была связана с коммерциализацией массовой культуры, сердцевиной которой стали массмедиа. Серьезные опасения вызвала эскалация пропаганды и психологических войн в условиях существования биполярной системы международных отношений.

Вторая половина XX в. – сравнительно небольшой исторический промежуток, вместивший в себя новую техноло-

гическую революцию и информационный взрыв, сопровождавшийся экспонентным ростом информации, оказался поистине переломным и стал эпохой перемен. Спутниковое телевидение, оптико-волоконная кабельная связь, компьютер и мультимедиа создали новые условия для осуществления коммуникации.

Эпоха электронной культуры все настоятельнее заявляет о себе. По прогнозам ученых, в будущем произойдут серьезные перемены не только в экономике, политике и культуре, но изменится и сам человек. Усилится связь рационального и эмоционального, понятийного и образного в сознании личности, а восприятие времени утратит свой линейный характер.

В данном контексте небезынтересно мнение о том, что сегодня возникает еще одна проблема темпоральности, связанная с характером нашего *восприятия и мышления*, которым свойственны последовательность и одновременность. Если производство, распространение и чтение книги требовало последовательности, то «распространение электронных средств коммуникации делает для все большего числа людей само собой разумеющимся выбор одновременности в качестве ведущего режима восприятия и мышления. Это не может не выражаться в снижении интереса к культуре чтения, требующей линейной последовательности, что выражается в появлении множества печатных изданий, где каждое сообщение выступает в качестве значимого самого по себе» [Те-

рин, 2013].

Пока нет полного единства мнений по поводу облика новой электронной цивилизации. Ряд ученых полагают, что общество станет атомизированным, а средства информации утратят массовый характер, и это даст толчок к развитию демократии. С точки зрения других – мир может оказаться на новом витке информационного тоталитаризма. Движение одних стран по направлению к ценностям постмодерна соседствует с откатом других в сторону традиционализма. Видимо, сторонники синергетического подхода усмотрели бы в нынешней эпохе ту хаотичность, которая продуцирует новую определенность.

Существует мнение, что теоретики информационного общества пытаются искусственно разрывать, делить на части, *квантифицировать* информационные процессы, вместо того чтобы рассматривать их в исторической преемственности. Ф. Уэбстер на основе критического анализа концептуальных оснований информационного общества выражает сомнение в том, что в современных условиях произошел системный разрыв с прошлым и возник принципиально новый тип общества. Спираль исторического развития свидетельствует о том, что реальность, обозначенная понятием информационного общества, скорее закономерность, чем исключение из правила. К тому же пятьдесят лет – слишком незначительный срок, чтобы говорить о завершенности тех или иных социокультурных и политико-экономических процессов, кото-

рые способны привести к масштабным качественным переменам, ведущим как в сторону прогресса, так и в сторону регресса.

Некоторые ученые полагают, что под воздействием глобальных информационных процессов начинают вызревать и новые виды общения, что служит не только основой для последующих социальных изменений, но и ведет к качественному преобразованию структуры международных отношений. По утверждению петербургского исследователя В. П. Талимончик, «инфокоммуникационная революция свидетельствует о радикальных изменениях в жизни общества, преобразовании традиционных групп общественных отношений, а также появлении новых групп (электронной коммерции, электронного правительства, электронной медицины, дистанционного образования и т. п.)» [Талимончик, 2013, с. 3]. В результате напрашивается вполне закономерный вывод о том, что в современном мире информационные отношения лежат в основе экономических, политических, социальных и культурных отношений. К этому можно добавить, что темп информационных отношений имеет принципиальное значение для нарастающего ускорения жизни человечества.

Временные характеристики информационных процессов с нарастающей скоростью менялись в условиях глобализации. Представляется оправданной позиция ряда авторов, которые считают, что в глобализации можно выделить:

- *праисторию* (от неолитической революции до Осевого времени);
- *предысторию* (до первых промышленных революции и эпохи Просвещения;
- *собственно историю* (последние 200 лет).

По мнению американских ученых М. Теграняна и К. Теграняна, занимавшихся изучением современных модернизационных процессов, насчитывается семь типов *модернизации*, которые хронологически расположены следующим образом:

- 8000 лет до н. э. – 1492 г.;
- 1492–1648 гг.;
- 1648–1848 гг.;
- 1848–1945 гг.;
- 1945–1989 гг.;
- 1989 г. – настоящее время;
- будущее время.

Каждый из этих периодов отличается глубокими экономическими и политическими преобразованиями, переменами в социокультурной и этнокультурной сферах. Все они отличаются нарастающим движением к демократизации, которое наталкивается на противодействие бюрократических, авторитарных и тоталитарных структур.

Период начала информационной революции соотносится с шестым типом модернизации, согласно предложенной М. Теграняном и К. Теграняном классификации. Будущие

социально-политические катаклизмы будут разворачиваться именно в информационной сфере, точнее в компьютерных сетях.

При всех различиях концептуальных воззрений представители научного сообщества (как отечественные, так и зарубежные) солидарны в том, что современный глобализационный процесс характеризуют три универсальных признака:

- 1) интеграция (объединение);
- 2) транспарентность (проницательность);
- 3) гомогенность (однородность).

Технико-экономические параметры информационных процессов

Аксиоматичным стало утверждение о том, что любая революция реализуется в материальной сфере, прежде всего в производственной. Меняются технологические уклады жизни общества. Их развитие становится мощным двигателем глобализации.

Традиционно используются два определения понятия «*техника*»:

- совокупность навыков, мастерства, появляющихся в той или иной производительной деятельности;
- совокупность артефактов (инструментов, механизмов, сооружений и пр.), используемых для создания других артефактов, способных удовлетворять самые разнообразные по-

требности – от материальных до духовных.

Понятие «техника» этимологически связано с понятием «технология». Важно подчеркнуть, что для понятия «технология» первоочередным является набор технических операций и навыков, последовательно реализуемых в пространственно-временных параметрах. По мнению А. Ракитова, «технология неосуществима без техники, техника же без адекватной ей технологии бесполезна или неэффективна. Техника и технология принадлежат к разным мирам: техника – к миру вещей, технология – к миру деятельности» [Ракитов, 1991, с. 15].

Если в индустриальный период рынки развивались за счет открытия новых континентов и захвата колоний, то в информационном обществе потенциальным рынком становится пространство нашего знания. В индустриальном обществе ведущими отраслями производства были машиностроение и химическая промышленность, а в информационном на первый план выходит интеллектуальное производство: обработка информации и производство знаний. Если основной производственной единицей индустриального общества была фабрика, то в условиях информационного общества эта функция выполняется информационным центром, состоящим из банков данных и коммуникационных сетей.

Развитие информационных процессов ученые связывают с определенным *экономическим укладом*. По их мнению, конкретному хронологическому периоду соответству-

ет несколько экономических укладов, которые обладают своей особой преобладающей инфраструктурой и ведущими отраслями хозяйства:

- первый уклад (конец XVIII – начало XIX вв.; дороги, ирригационные каналы; сельское хозяйство, текстильная промышленность);
- второй уклад (вторая половина XIX в.; железные дороги, судоходные линии; легкая промышленность, металлургия, химия, судостроение, общее машиностроение);
- третий уклад (конец XIX в. – середина XX в.; энергосистемы, почта, телеграф, радиосвязь, телефон, железные дороги; химия, металлургия, машиностроение, топливно-энергетический комплекс, электроника);
- четвертый уклад (30–80-е гг. XX в.; скоростные автодороги, энергосистемы, трубопроводы, радио и телевизионная связь, судоходные и авиалинии; электроэнергетика, точное машиностроение, производство новых синтетических материалов, приборостроение, радиоэлектроника);
- пятый уклад (80–90-е гг. XX в.; средства телекоммуникации, компьютерные сети, спутниковая связь; микроэлектроника, информатика, биотехнология, аэрокосмическая промышленность);
- шестой уклад (начало XXI в.; Интернет, глобальные энергосистемы, экологические системы, авиалинии; информатика, генная инженерия, образование, здравоохранение, электроника, коммерция).

Начало становления информационного общества в этой схеме соотносится с пятым укладом, ядро которого составляют в первую очередь микропроцессорная техника и генная инженерия микроорганизмов. Именно в это время происходит информатизация первого уровня, компьютеризация, создание баз и сетей данных.

Продвижение в сторону информационного общества осуществляется в тесной связи с появлением новых технологий:

- в производственной сфере (производство робототехники, малоотходных и энергосберегающих технологий, новых материалов, в том числе керамики, пластмасс и т. д., развитие телекоммуникации, космической связи, информационных систем и баз данных);
 - в непроизводственной сфере (расширение научных исследований в области компьютеризации и автоматизации систем управления, лазерных технологий, бытовой радиоэлектроники и средств информатики в образовании и культуре).
- Сегодня страны мира с разными темпами приближаются к вхождению в экономику шестого уклада, контуры которого, по прогнозам ученых, должны были начать обозначаться в последние несколько лет.

Все эти аспекты неразрывно связаны между собой: «Если в период между 1600 и 1870 гг. доминировала "капиталистическая экономика" в границах нарождающихся национальных государств, а в 1870–1970 гг. – "политическая экономика" в рамках системы международных экономических

связей, то сейчас наступает третья фаза – фаза "культурной экономики", в которой при исчезновении физических границ производство все более ориентируется на индивидуальные вкусы и потребности» [Глобализация: Контуры XXI века, 2004, с. 62].

На повестку дня нынешней мировой экономики выдвигается «организационный экуменизм», предполагающий общие управленческие принципы. В области торговли полная свобода обмена сменяется введением минимальных тарифных барьеров и возникновением существенных культурных барьеров. В сфере производства мировое социальное разделение труда уступает место техническому, усиливается децентрализация труда, а передвижение рабочей силы все активнее регулируется государством.

Электронная технология меняет привычный образ производственной деятельности человека. Поскольку информация становится важнейшим сырьем, то с очевидностью возрастает значение высококвалифицированного труда. Как отмечал западный исследователь Р. Коэн в докладе «Социальные последствия современного технического прогресса» (симпозиум ЮНЕСКО, 1985), в наше время уже никто не сомневается в преимуществах, которые дает интеллектуальное развитие. В отличие от специфического разделения труда в промышленном производстве, современная научная специализация направлена не на замену квалифицированным трудом неквалифицированного; скорее, напро-

тив, более специализированный и квалифицированный научный труд вытесняет менее специализированный и менее квалифицированный.

Если первая волна машин появилась для замены физического труда машинным, то вторая волна интеллектуальных электронных устройств была призвана облегчить, улучшить и даже заменить умственный труд человека. По мнению западного ученого Т. Стоуньера, соединение человеческого индивидуального и коллективного интеллектов с машинным интеллектом в новую систему общего интеллекта может привести к серьезным эволюционным изменениям, в результате которых возникнет новая форма организации – чистый интеллект [Stonier, 1991, p. 257–263].

Американский ученый М. Зелены отмечал, что пассивный труд «конвейерного» типа и потребительская ментальность образа жизни сменяется новым активистским принципом «сделай сам» [Zeleny, 1989, p. 141–151]. Самообслуживание – высшая степень трудовой и познавательной интеграции, что ведет к изменению самого образа жизни: работа на дому, самообразование, компьютерное сетевое общение и пр. Знание становится главной и доминирующей формой капитала. Угроза развитым экономикам идет не от дешевой рабочей силы развивающихся стран, а от их способности распознавать и поддерживать знания как главную форму капитала. Данный тезис наглядно подтверждается практикой экономических успехов таких стран, как Южная Корея, Синга-

пур и др.

В современных развитых государствах (например, США, Япония, страны ЕС) стало возможным массовое производство когнитивной систематизированной информации, технологии и знания, что предопределило изменение характера труда – подавляющее большинство работников связаны с информационной деятельностью и услугами. «Что такое информационное общество? Это общество, – пишет американский политолог Э. Бранском, – в котором большинство граждан участвуют в процессе создания, сбора, хранения, обработки или распространения информации, а не в сельском хозяйстве или промышленности» [Branscomb, 1986, p. 387].

На современном этапе цивилизационного развития коммуникации соединились с особой сферой общественной деятельности – сферой услуг, что в итоге вылилось в создание единой сферы информационной экономики, где важнейшей из услуг является предоставление информации, а ее производство стало основным показателем уровня цивилизованности общества.

По словам Д. Белла, индустриальная революция породила эру мотора, технологическая революция – эру компьютера, т. е. эру электроники. Компьютер является важнейшим инструментом для создания, обработки, сбора, хранения и передачи новой информации. Однако анализ новейших тенденций процесса информатизации общества показывает, что само внедрение компьютеров, их военное, промышленное,

коммерческое, научное, воспитательное, культурное и информационное применение не автономны, а в значительной степени зависят от системы коммуникаций.

Феноменологические противоречия глобализации

Сфера информационно-коммуникационных процессов породила множество проблем – политического и социокультурного характера. Они в значительной степени обусловлены теми противоречиями, которые отчетливо проявились в ходе глобализации и нашли отражение в теоретических подходах к изучению особенностей ее современного этапа [Глобализация: Контуры XXI века, 2004, с. 7]:

- функционалистский (в его рамках основной акцент делается на роли национальных государств как спасителей от губительных последствий глобализации);
- апологетический (его сторонники подчеркивают роль рынков в распространении инноваций и признают необходимость максимально ограничить вмешательство государства в глобализационные процессы);
- технологический (кибернетические технологии рассматриваются его приверженцами как важнейшее условие вхождения периферийных стран в глобальную экономику при сохранении своей глобальной специфики).

Является неопровержимым фактом неоднородность по-

литико-географического пространства современного мира, где соседствуют тенденции объединения и размежевания, диалектику которых можно наблюдать в современной Европе. На протяжении многих десятилетий ее западные и восточные регионы имели прямо противоположные векторы движения: в одних возобладали идея «надгосударственности», другие оказались в состоянии распада. Ю. В. Косов пишет, что «приливно-отливные», или «марширующие», земли Центральной Европы, принадлежавшие то Западу, то Востоку, «перемещаются, подобно походным колоннам, из одной части континента в другую и наоборот» [Косов, 2009, с. 93].

Большая пестрота отличает политическую карту «кипящей» Азии, в которой имеет место большое количество разноплановых территориальных споров за границы либо за обладание той или иной территорией. Очаги территориальных конфликтов сохранились в Латинской Америке, проблема границ продолжает оставаться острой на Африканском континенте. В Канаде вызывает тревогу ситуация с Квебеком. По мнению экспертов в области политической географии, региональные различия сильно ощутимы в США: «Американской культуре (в том числе политической) присуще на редкость яркое региональное самосознание граждан, в силу которого они четко ассоциируют себя с определенными районами страны, адресуя ему свой патриотизм и противопоставляя себя, порой весьма жестко, другим районам страны

и их жителям» [Бусыгина, 2011, с. 230].

Гиперболизация «глобального» не соответствует реальности не только в пространственном, но и во временном измерении. «Жизнь по Гринвичу» носит формальный характер. При внешней синхронизации мировой политики *темпоральность* политических процессов в различных регионах планеты неодинакова, и отдельные социальные образования обладают собственными ритмами.

Барьеры на пути в будущее возникают сегодня для целых континентов. В Африке, например, существует громадный разрыв между величиной проблем континента и теми весьма скромными попытками, предпринимаемыми как самими африканскими странами, так и их более развитыми западными партнерами по решению указанных проблем. Очевидно, что чрезмерное внешнее вмешательство, как правило, связанное с распространением демократии и проведением широкого корпуса либеральных реформ, не способно решить большинство африканских проблем в принципе. Африканские страны по-прежнему занимают последние места в мировых рейтингах по уровню развития своих экономик. Во многих из них с еще большей интенсивностью вспыхивают вооруженные столкновения, которые по понятным причинам препятствуют устойчивому развитию. В результате у многих исследователей и обывателей складывается впечатление, что Африка является континентом, безнадежно отставшим от остальной части мирового сообщества по всем

ключевым параметрам. И сегодня все чаще, в том числе и с трибун весьма представительных международных форумов на высшем уровне, звучит точка зрения, что к 2015 г. африканским странам, по всей видимости, не удастся достичь ни одной цели, сформулированной в Декларации тысячелетия ООН, в 2000 г.

Встает вопрос о *верификации понятия «глобального» в исторической перспективе и его корреляции с понятиями «модерн» и «постмодерн»*. Таким образом, глобальность можно понимать и как сосуществование традиционного современного и постсовременного общества. В связи с этим возникает серьезная проблема, которую можно назвать мирополитической. Это «сбалансированность времени» различных общественных процессов, когда общество «снимается с якоря» и устремляется навстречу желанному, но продолжающему оставаться малопредсказуемым будущему.

Единое время распадается. Престижные группы, существующие преимущественно в настоящем, являются носителями «срединного времени». В ритме ускоренного, мобилизационного времени их догоняют те, кто оказался в арьергарде. Уповают на гибель «несправедливого мира» изгои, стимулирующие становление эсхатологического, разрушительного времени. В этом калейдоскопе темпоральностей может произойти «разрушение и опустошение повседневности» в надежде на «светлое будущее» [Ильин, Панарин, 1994, с. 85–86]. Вместе с тем все чаще возникает ощущение,

что в эпоху глобализации историческая перспектива растворяется в настоящем и наступает «тирания момента» – бесконечно тиражируемой современности.

«Старое» *осевое время*, отсчет которого начинается с момента возникновения мировых религий и расхождения цивилизаций Запада и Востока, завершает свой поворот. К. Ясперс предсказывал: «Если придет новое осевое время, то только в будущем, подобно тому, как первое осевое время пришло лишь после того, как были открыты основополагающие условия человеческой жизни... Но это новое осевое время, которое, быть может, явит собой единую, охватывающую весь мир действительность, мы представить себе не можем. Предвосхитить его в нашем воображении означало бы создать его. Никто не знает, что оно нам принесет» [Ясперс, 1991, с. 114].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.